КАМЕНЕВ

Ист. парт. коммунист. в России и Ленин

УКРАИНСКАЯ

Социалистическая Советская Республика

№ 42.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. Б. КАМЕНЕВ.

История партии коммунистов в России и В. И. Ленин

(РЕЧЬ)

Всеукраинское Издательство
Харьков 1920.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

По предложению Пресненского района я должен был изложить перед собранием московских рабочих биографию т. Ленина. Рассказ о работе т. Ленина, естественно, преобразился в краткий очерк истории коммунистической партии в России. Так как подобного очерка не существует в русской литературе, товарищи предложили издать эту речь. Я согласился, хотя знаю, что книжку эту надо бы расширить раза в три для того, чтобы она охватила хотя бы важнейшие факты нашей истории. Знаю также, что товарищ, которому уделено больше всего внимания в этой книжке, будет и больше всего морщиться, если прочтет посвященные ему места. Но „из песни слова не выкинешь", а рабочие имеют право узнать о Ленине.

Речь перепечатывается, так как была повторена в Советском театре в Москве 16 декабря.

Л. Каменев.

История партии коммунистов в России и В. И. ЛЕНИН.

(Речь).

Товарищи! Темой моего сегодняшнего доклада является история партии коммунистов в России. Надо, однако, отдать себе отчет, что в течение 2 часов, которыми я располагаю, изложить историю партии коммунистов чрезвычайно трудно, и мне надо выбрать какой-нибудь стержень, вокруг которого сгруппировать факты относительно истории коммунизма в России, интересующей сейчас весь пролетариат. Этим стержнем я выбираю ту роль, которую в истории коммунизма в России и в истории коммунизма мирового играл Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Владимир Ильич стоял за все время своей сознательной жизни в центре рабочего движения, сначала в России, а затем во всем мире. И вместе с тем он неразрывно связан с той историей революционного движения в России, которая предшествовала рабочему движению, предшествовала тому моменту, когда в революционном движении России победила теория научного социализма, теория марксизма. Таким образом, трудно выбрать фигуру, более яркую, для того, чтобы на ней проследить историю русского революционного рабочего движения.

Брат В. И. Ульянова, Александр Ильич Ульянов, не был марксистом. Он характеризует историю революционного движения в России в тот переломный момент, когда старые революционные партии разочаровались в методах борьбы, прежде проповедывавшихся, и когда стал зарож-

даться в России марксизм. До нарождения рабочего революционного движения в России знамя революции держала в руках интеллигенция, и эта революционная интеллигенция, выдвинувшая из своей среды мужественных и героических борцов за народную волю, испытала в своем развитии два этапа. Когда впервые в России народился слой людей, большей частью из так-наз. разночинцев, сыновей мелкопоместных дворян, чиновников, мелких купцов, иногда сыновей крестьян, которые прошли через университеты и научились там, в дружеской среде свободного, тогда еще революционного студенчества, ненавидеть царизм, научились по книгам западно-европейских социалистов понимать, что такое социализм, они поставили перед собой задачу, как осуществить свободу и социализм в России, и они первым делом обратили свое внимание на широкие слои крестьянства. Рабочий класс тогда в России был еще очень малочисленен, промышленность была очень слабо развита. Россия представляла собой тогда земледельческую страну с очень слабо развитыми городами, с очень слабым и малочисленным фабрично-заводским производством, страну, которая только два десятка лет, как вышла из крепостного рабства. И вот, эти идеалисты, молодые революционеры построили себе такую теорию, что если бы до сведения крестьян довести, кто мешает им свободно жить и осуществлять социализм, если бы можно было крестьянам рассказать их истинные интересы, то тогда крестьяне, несомненно, подняли бы восстание и свергли бы царизм. Эти молодые революционеры отправились тогда в народ и создали целое движение, которое так и называлось „хождением в народ“. Они отправлялись с пропагандистскими целями, с целями агитации, иногда с целью непосредственно поднять крестьянские бунты. И очень скоро они убедились, что крестьянство, только что вышедшее из-под ярма

крепостничества, только что увидевшее свободу, распыленное, разбросанное, политически-безграмотное, что это крестьянство не откликается на призыв этих революционеров. Эпоха хождения в народ начала 70-х годов кончилась крахом. Крестьянство не оказалось способным, и в тот момент не могло оказаться еще способным, поднять всероссийское крестьянское революционное движение против царизма. Наступил перелом во мнении этой интеллигенции, и она пришла к такому выводу, что если сами народные массы не способны подняться против царизма, то интеллигенция сама должна взять на себя задачу ниспровергнуть царизм и расчистить дорогу этим крестьянским массам, которые тогда по этой дороге прямо и свободно могут направиться по пути к социализму. Но как небольшая группа интеллигентов могла осуществить эту задачу, при тех орудиях, методах и средствах, при которых эта группа, оторванная от масс, не находящая в массах боевой поддержки, как она могла бороться с царизмом? Совершенно естественно, что тогда возникла теория и практика террористической борьбы, теория и практика такой борьбы, в которой царизм и интеллигенция противостояли друг другу, как бойцы. Интеллигенция стремилась рядом революционных ударов по виднейшим представителям царизма ниспровергнуть самый царистский строй. Был совершон целый ряд террористических актов, которые завершились казнью Александра II. Героическая и великая в истории не только русского, но и всемирного революционного движения партия Народной Воли во главе с теми: Желябовым Перовской, Халтуриным, которым теперь мы, восставший революционный пролетариат, ставим памятники, взяла на себя эту мученическую роль расправиться с грабителями и эксплоататорами народа в лице царизма. Они свою задачу выполнили. Они наказали и казнили целый ряд

генералов, целый ряд охранников и завершили это казнью Александра II 1-го марта 1881 г. Но надежды их не оправдались. Оказалось, что, когда Александр II пал, как жертва своего собственного жандармского усердия, когда трон очистился, то все таки не создалось нового широкого массового революционного движения, а трон был занят его сыном, Александром III, и реакция еще более усилилась. Те героические интеллигенты, революционеры и демократы, которые думали, что убийством царя и нескольких генералов можно разбудить широкие крестьянские массы, они были разбиты, большинство из них повешено, часть заключена в Шлиссельбург и там погибла, а революционного движения не получилось. Оказалось, что их теория неправильна, оказалось, что несмотря на весь свой героический и революционный пыл, несмотря на самые лучшие свои пожелания, они не нащупали той правильной дороги, идя по которой можно разбудить к политической жизни, пробудить к восстанию широкие массы русского народа. В этот момент начинается разлад среди революционной интеллигенции. С этого момента она видит крах своей старой теории. Она сунулась в народ, к крестьянам, и крестьяне ее не поняли. Она попыталась сама, один на один, сразиться с царизмом, но из этого не вышло революционного движения. Вся русская революция уперлась в тупик. Надо было найти какие-то новые методы, надо было как-то иначе представить себе ход революционного движения в России, нужно было нащупать среди общественных классов России какой-нибудь новый рычаг, опираясь на который можно было бы не только свергнуть царизм, но и уничтожить буржуазную эксплоатацию.

В этот момент на этом переломе, когда старые задачи и теории потерпели крах, а новых еще не народилось, в этот момент началась сознательная жизнь

Владимира Ильича. Вступил он в эту жизнь, сознательную жизнь под руководством брата своего, Александра Ильича. Ал. Ил. принадлежал к той группе революционных интеллигентов, которые, несмотря на то, что попытка 1-го марта 1881 г. была задушена в крови и на виселицах, сделали еще одну попытку наказать следующего царя, Александра III,—сделали последнюю героическую попытку еще раз сразиться один на один с царизмом и сбросить его. Он был человеком, подававшим великие надежды в смысле будущего ученого. Профессора (он учился в петроградском университете) предрекали ему громадную научную деятельность. Но в тот момент, когда наиболее видные борцы погибали на виселицах или были замурованы в Шлиссельбургской крепости и погибали там, когда вся интеллигенция разбилась, когда у нее опустились руки, когда она не знала, как же продолжать революционную борьбу, Ал. Ил. Ульянов отказался от жизни ученого, он взял на себя задачу вновь собрать рассыпанные ряды, собрать хоть маленькую группу лиц, которые опять подняли бы знамя революционной борьбы. Он образовал в Петрограде группу из студентов и нескольких рабочих и поставил перед собой задачей казнь Александра III, в это время вполне показавшего уже себя, как ярый сторонник реакции, как царь помещиков и буржуазии. В тот же день, когда был казнен Александр II, 1-го марта, но через 6 лет, т. е. 1-го марта 1887 г., во главе группы террористов брат тов. Ленина вышел на улицу Петрограда с бомбами в руках, бомбами, сделанными в виде книг, чтобы не давать подозрения царским ищейкам, с целью бросить эти бомбы при выезде Александра III. В их группе был провокатор. Когда они вышли на улицу, они были схвачены и брат Владимира Ильича и еще несколько товарищей через несколько дней были повешены. Попытка покончить с самодержавием

усилиями героической группы интеллигентов и передовых рабочих окончилась вновь неудачей, и это был последний удар по той теории, которая предполагала, что можно покончить с царизмом силами небольшой группы революционной интеллигенции. И сам Ал. Ил., брат Влад. Ил., не был уже чужд той великой науке, которая показывала, где же, действительно, искать путей к освобождению рабочего класса. Он первый дал Влад. Ильичу, теперешнему нашему вождю, ту великую книгу, изучая которую не только русский, но и мировой пролетариат нашел путь к своему освобождению. Из рук этого мученика, повешенного брата, Влад. Ил., тогда еще молодой гимназист, получил книгу Карла Маркса, „Капитал“, и Влад. Ил. рассказывал мне, как, ездя из гимназии, а затем университета к себе, в деревню в Симбирскую губернию, на перекладных, они с братом спорили, и брат его за несколько месяцев до своей гибели на виселице рассказывал ему о марксизме и о книгах К. Маркса. Несколько лет Влад. Ил. отдал на изучение этой книги. В тот момент, когда с казнью его брата окончательно были развенчаны теории, которыми руководилась старая революционная интеллигенция и партии Народной Воли, когда у всех опускались руки, когда казалось, что русский царизм, опираясь на буржуазную реакцию всего мира, снабжавшую его через парижскую биржу деньгами, несвержим, что он вечен, что он захватил всю Россию в свои руки и держит ее, не разжимая своего жандармского кулака,—в этот момент Влад. Ил. начинает изучать теорию научного социализма, теорию восстания пролетариата, теорию освобождения угнетенных, и через несколько лет он приходит к убеждению, что есть, однако, в России сила, способная повести борьбу против царизма и повести ее более успешно, чем партия Народной Воли, попытки которой были разбиты.

Одновременно с тем, как в конце 80-х годов Влад. Ил. здесь в России изучает эту теорию революционного марксизма, несколько старых русских революционеров, во главе с Плехановым, потеряв надежду на возможность непосредственного широкого, массового революционного движения в России, уезжают за границу и там тоже начинают изучать систему марксизма. Они образуют там группу „Освобождение Труда". В 1883 г., через два года после того, как партией Народной Воли был казнен Александр II, за границей Г. В. Плеханов, ныне покойный, вместе с Засулич и Дейчем образовывают группу „Освобождение Труда", которая ставит себе задачей пропаганду в первую очередь среди более интеллигентных элементов, среди учащейся молодежи, пропаганду научного социализма, с тем, чтобы эта учащаяся молодежь затем могла отправиться в рабочие кварталы и там рабочим рассказать о борьбе западноевропейского пролетариата и о теории К. Маркса. Влад. Ил. рассказывал, что, когда он, наконец, в своем захолустьи (учился он в Казани) пришел к убеждению, что марксизм есть единственная теория, действительно освобождающая пролетариат не только от гнета царизма, но и от гнета буржуазии, когда он убедился в том, что дальнейшее развитие революции в России возможно только тогда, если в основу революции положить движение рабочего класса,—он задался вопросом, есть ли еще где-либо в России группа лиц, которые тоже пришли бы к такому убеждению.

Время было самое страшное, самое темное. Крестьянство, задавленное недоимками, урядниками, земскими начальниками, стонало под гнетом царизма, но не было способно ни к какому организованному массовому движению. Пролетариат только что начинал создаваться. Интеллигенция, разочарованная после неудачных попыток террора, после того, как была разбита партия Народной

Воли, видя, что громадная часть России представляет собой крестьянское население, относящееся недоверчиво к рабочему классу, и считая, что рабочий класс слишком мал в России и мало организован, что рабочий класс существует в Западной Европе и там может бороться, а здесь, в России, возлагать надежду на рабочий класс, значит откладывать революцию очень надолго,—эта русская интеллигенция прониклась недоверием ко всякому массовому народному движению и, вообще, к революции. Была полная и глухая пора реакции.

И вот, в это время, в начале 90-х годов, в 1892-3 году Влад. Ил. предпринимает поездку по России с специальной целью разыскать по всему лицу земли русской таких передовых интеллигентов или рабочих, которые, сплотившись, образовали бы первую группу действительных работников марксизма и действительных работников коммунизма. Он об'езжает почти всю Россию, ее промышленные центры, и понемножку в разных местах он находит эти передовые группы рабочих и интеллигентов, тоже пришедших к убеждению, что все будущее революции опирается только на рабочий класс и что только та партия действительно ниспровергнет царизм, действительно будет работать в интересах социализма, которая сумеет связаться с рабочим классом.

Теперь нам кажется очень простым, теперь мы высмеяли бы каждого, кто усомнился бы в революционных возможностях и в революционной энергии рабочего класса. Тогда же это казалось не так, тогда на этих нескольких людей, которые стали проповедывать в России идею борьбы рабочего класса, смотрели, как на фантазеров, как на сказочников, которые где-то выдумали рабочий класс в крестьянской стране, которые надеются, что рабочий класс произведет революцию,—над ними смеялись. Старые революционеры, хранившие традиции

народников, народовольчества, говорили: это безумные люди, они хотят строить на песке, на рабочем классе, которого почти нет в России. Но эти люди, во главе с В. И. Лениным, и опираясь на теоретическую работу, произведенную заграницей группой „Освобождения Труда“, не покладая рук, принялись за эту работу. Работа эта в первое время казалась очень будничной, элементарной и простой, и ничего революционного как-будто в себе не имела. Когда эти передовые товарищи, рабочие и интеллигенты, во главе с Лениным, задались целью создать массовую организацию рабочего класса,—они встретились с пролетариатом, в котором политическая мысль была очень слабо развита, в котором даже сознание экономических его интересов было очень не развито Пролетариат не чувствовал себя единым, пролетарий не сознавал себя членом одного класса, разбросанного не только по всей России, но и во всем мире. Перед каждым пролетарием в отдельности стояла маленькая, как-будто, задача, как бы улучшить свое положение на фабрике, как бы прекратить штрафы, как бы повысить заработную плату и понизить рабочий день. И вот, с этого-то и начал В. И. Ленин. Теперь, когда мы знаем, что коммунистическая партия России, во главе с Лениным, стоит во главе мирового пролетариата, когда мы живем в эпоху, когда каждый день несет нам известия о новых революционных потрясениях, когда мы видим, как рабочий класс молотом своим выковывает новую землю, какими мелочами, какими пустячками кажется нам эта работа, с которой начал Влад. Ил. Начал он с того, что обходил фабрики, собирал сведения по заводам, собирал у себя, в студенческой комнатушке, осторожно, конспиративно несколько рабочих, которые рассказывали о притеснениях, штрафах, проделках мастеров, писал листки, которые печатались в тайных типографиях и в которых обсу-

ждались эти вопросы, эти мелочи и пустячки, как нам теперь кажется. Тогда это был единственный путь к тому, чтобы пробудить в пролетариате сознание его классовых интересов и об'единить отдельные пролетарские единицы в общей борьбе. И тут сказалась одна из величайших черт Влад. Ил-ча. В маленькой работе, по фабричным недостаткам и злоупотреблениям, он уже провидел громаднейшую роль, революционную, мировую роль, которую сыграет пролетариат. Он пошел на эту маленькую работу, потому что он знал, что на этой маленькой работе возрастет та сила, которая некогда перевернет весь мир, и в нем замечательна та черта, что во имя этой великой цели он способен был весь сосредоточиться и всю энергию употребить на писание листков о фабричных злоупотреблениях, которые потом в клозетах читались тайком рабочими. В этом сказалась великая черта доверия к революционной энергии рабочего класса. Он знал, что раз рабочий класс начнет сознавать несправедливость капиталистического мира, хотя бы на такой частности, как штраф, или какое-нибудь злоупотребление мастера, то эта маленькая экономическая борьба, развиваясь и разворачиваясь, превратится в борьбу не против отдельных злоупотреблений капиталистического строя, а против всей буржуазной эксплоатации в целом. Эта мелкая, невидная работа, на которой Влад. Ил. собрал тогда передовых рабочих Петербурга, привела к созданию первой рабочей организации в России.

Вместе с такими передовыми рабочими, как т. Бабушкин, рабочий, который одним из первых вошел в кружок Ленина и затем в 1905 году был расстрелян ген. Ренненкампфом в Сибири, где он поднял восстание среди красноярских рабочих, с другим рабочим, Шелгуновым, который сейчас живет в Петрограде, потеряв в ссылках и казематах царизма глаза,—он слеп теперь,—на

конспиративных квартирах, в которых собиралось несколько отдельных рабочих с разных заводов, собрав вокруг себя этих выдающихся рабочих и несколько интеллигентов, Вл. Ил. основал в Петрограде первую рабочую организацию, широкую и массовую, на основах научного социализма, которая называлась тогда „Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Этот „Союз борьбы за освобождение рабочего класса",—как я вам говорил,—ставил своей целью поднять движение пролетариата не только за политическое освобождение от царизма, но и за освобождение его от капитализма, за социализм. Но практическую работу он должен был вести на самых мелких фактах обычной повседневной деятельности рабочего класса. И вот, в этой задаче об'единения пролетариата, в этом сознании великой революционной роли, которая предстояла этим союзам борьбы за освобождение рабочего класса, начавшим с этой внимательности к каждой мелкой обиде, к каждой несправедливости по отношению к рабочим и закончившим освобождением рабочего класса в целом,—в этом сознании и была великая революционная сила нашего вождя. По своим задачам и методам он в то же время всеми корнями своими уходил в массовую рабочую организацию, и работа его очень быстро оправдалась. В конце 1895, а потом в 1896 году агитация этого „Союза борьбы за освобождение рабочего класса" приобретает такие размеры и такой размах, что впервые в Петрограде разражается громадная стачка текстильных рабочих, стачка, в которую было вовлечено 40 тыс. рабочих. И опять-таких, нам не только теперь, но уже после 1905 г. 40 тысяч бастующих рабочих кажутся мелочью, пустяками. Но так не было тогда, в 1895 году. Тогда эта стачка сыграла громадную революционную роль, потому что, во-первых, она показала всему обществу, что рабо-

чий класс есть могучая сила, способная в каждый данный момент выступить как организованная, сплоченная, энергичная организация. Она доказала, затем, самому рабочему классу, распыленному не сознававшему своей силы, позволявшему над собой издеваться каждому фабричному мастеру и каждому царскому уряднику, что если рабочий класс сливается вместе, если он выступает организованно, то в такой момент для него суждена только победа, ибо эта стачка увенчалась, действительно, победой. Государственный совет тогдашний принужден был обсуждать требования рабочих, принужден был пойти на уступки. Та самая интеллигенция, которая опустила руки после поражения партии Народной Воли, которая не верила в рабочий класс, которая никогда не думала что рабочий класс способен на такие организованные, массовые выступления, она спохватилась и задумалась. Эта стачка доказала, что рабочий класс в России существует, что рабочий класс в России есть тот класс, который легче всего поддается организации и есть единственный класс, действительно имеющий перед собой революционные задачи и способы их в борьбе с царизмом выполнить.

Во главе этой организации стоял Ленин. Он, как глава этой организации, и должен был понести обычное царское наказание за эту стачку. „Союз борьбы за освобождение рабочего класса" был захвачен, были произведены аресты, затем Ленин был посажен в тюрьму и, просидев там достаточное количество времени, был отправлен в ссылку в Сибирь. Но массовое рабочее движение и организация партийных ячеек в виде союзов борьбы за освобождение рабочего класса не прекратились. Вслед за Петроградом, в Москве, затем в Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе, на Урале стали возникать такие же точно организации. Вскоре большинство завод-

ских и промышленных пунктов России украсилось этими организациями, и перед этими организациями встала задача: — об'единить усилия рабочих отдельных заводов, создать какой-нибудь центр, который руководил бы борьбой рабочего класса на территории всей России и поддерживал бы сношения русского рабочего класса с западно-европейским рабочим классом.

Среди вас, вероятно, много людей, товарищи, которые помнят еще полицейские условия, созданные царизмом, до революции 1917 г.; быть может, меньше тех, которые помнят полицейские условия, существовавшие до 1905 г. Эти условия были ужасны. Все силы полиции, не только в смысле прямого подавления рабочих, но и в смысле обмана рабочих, были направлены против зарождающегося рабочего движения. В этих условиях поставить перед собой задачу создать в России партию коммунистов, партию рабочих-марксистов было грандиозным предприятием. Передовые рабочие различных городов перед этой задачей не остановились. Если бы таким рабочим, строившим тогда союзы борьбы за освобождение рабочих, сказать: не пройдет и 20 лет, и в России произойдет социалистическая революция, и подпольные деятели того периода смогут от имени рабочего класса взять весь государственный аппарат в свои руки, если бы им сказали, что одновременно произойдет революция в Германии и в целом ряде других стран, — быть может, эти люди тогда не поверили бы, что перед рабочим классом России, перед этим еще поколением стоит такое великое счастье — видеть осуществление социалистической революции или видеть осуществление первых шагов к всемирному коммунистическому перевороту. Но они знали: их научил этому марксизм и его проводник Ленин, — что рабочее движение, однажды вступивши на революционный путь, неизбежно придет к

победе. И они несли жертвы, они создавали организации. Часто в борьбе с царизмом они погибали, но они сознавали, что всякая рабочая ячейка, всякий рабочий союз, всякая рабочая организация, всякий отдельный рабочий, ставший марксистом, становится непреодолимым залогом дальнейшего развития революции в России и во всем мире. Эти надежды, эта вера давали им возможность в тех тяжелых условиях нести мелкую, кропотливую работу.

В 1898 году, в апреле, эти передовые рабочие созвали первый с'езд, как тогда называлась наша партия, — российской с.-д. рабочей партии. Собрался этот с'езд в Минске, и было на нем всего 12 человек. И эти 12 человек тогда представляли собой все будущее революционное и рабочее движение в России. Они собрались для того, чтобы составить манифест нашей партии, для того, чтобы создать устав нашей организации, чтобы закрепить связь между отдельными городами и те забастовки, в которых, прежде всего, выливалось рабочее движение, ввести в одно русло. Еще одна важная задаач стояла перед ними тогда — связать экономическое движение рабочего класса, развивавшееся на почве непосредственных нужд, с политической задачей, ибо тогда уже стало выясняться, что рабочий класс, вдвинутый в движение, начавший забастовки, часто был склонен ограничиваться чисто экономическими требованиями, и рабочие, которые шли на забастовки, когда знали, что целью забастовки является прибавка к заработной плате или сокращение рабочего дня, еще не отдавали себе отчета, что вся эта постройка эксплоатации связана с политическим режимом. Тогда нередко можно было встретить малосознательных рабочих, говоривших: „да, экономическую борьбу за прибавку заработной платы, против мастера мы готовы вести, и забастовку устроим,

но царь-то здесь при чем, царизм здесь при чем?— это мы с хозяином боремся".—Связь между эксплоатацией буржуазии и жандармско-полицейской надстройкой царизма и связь этого царизма с мировой буржуазной реакцией не была ясна в ту пору. И первые марксисты, эти первые союзы борьбы, должны были поставить рабочее движение, тогда только начинавшееся, на рельсы политической борьбы. Они должны были показать рабочим, что они не могут добиться улучшения своего экономического положения, если они не свергнут царизм.

Влад. Ил-ча на с'езде не могло быть — он был тогда в Сибири, — но влияние его среди передовых рабочих тогда было уже настолько велико, что, когда они задумали издавать подпольный центральный орган рабочего союза, названный тогда „Рабочей газетой", — они пригласили в его редакторы Влад. Ил-ча. Попытка этого об'единения была очень быстро разбита. Не успели эти товарищи раз'ехаться со своего с'езда, как они были арестованы. Наметившаяся связь между различными организациями различных городов была разбита и разбита на несколько лет. Рабочий класс опять остался без общего, без центрального руководства.

Но товарищи, сосланные в Сибирь, знали, что перед ними стоят две задачи. Первая задача — наметить путь дальнейшего развития России, доказать, что все старые народнические теории насчет того, что Россия не будет развиваться через капитализм, что в России не будет пролетариата, который мог бы развернуть действительное революционное движение, что в России вся сила в крестьянстве, ошибочны, разбить эту теорию на фактах, научным образом, пользуясь орудием марксизма, и другая задача, — на почве этого научного доказательства о неизбежном росте пролетариата и того, что пролетариат неизбежно в России пойдет к социализму, доказать, что

путь к этому социализму лежит через низвержение самодержавия, что в этом низвержении самодержавия рабочий класс должен отстаивать свои особые классовые, социалистические интересы и что для этого надо создать боевую самостоятельную организацию рабочего класса.

Влад. Ил. отдался тогда обоим этим задачам. В Сибири он написал книгу, в которой подводил научное обоснование под то марксистское представление о всем развитии русского хозяйства и русских классов, которое легло после в основу его политической борьбы. Он написал книгу, которая называется „Развитие капитализма в России". И в то же время он носился с планами и обдумывал, как создать этот центральный орган боевой рабочей организации. Он убедился на первом с'езде, что эта организация, поскольку она создается здесь в России, под крылом царизма, необходимо осуждена быть разбитой. Он видел, с другой стороны, что рабочему классу России нужно пройти долгую школу для того, чтобы из области экономической борьбы подняться до политической борьбы. Он видел вместе с тем, что целые группы интеллигенции и в России, и в Западной Европе употребляют все усилия для того, чтобы подменить революционное учение марксизма таким учением, которое признавало бы права рабочих на экономическую борьбу и на улучшение своего положения, но вместе с тем устраняло бы из марксизма все его революционные стороны. В России к тому времени сложилась даже целая группа, тоже состоявшая отчасти из рабочих, а главным образом, из интеллигенции, которая говорила: „Пускай рабочий класс ведет борьбу на экономической почве; конечно, рабочий класс ведет борьбу за улучшение своего экономического положения; конечно, рабочий класс живет плохо, смертность большая, недоедание постоянное, квартиры скверные, жалованье получают малое, обид много, пускай ведет

экономическую борьбу, и забастовки экономические, но пускай не суется он в борьбу политическую". „Борьба политическая,—говорили эти люди,—принадлежит буржуазии, буржуазия должна ее вести". Тогда в России круги буржуазии были, как и дворянское земство, настроены отчасти против царизма. Вот какая теория создалась тогда: рабочие пусть занимаются экономической борьбой, они тем самым будут расшатывать фундамент под царизмом, они будут создавать постоянное недовольство в среде широких народных масс, они будут воздействовать и на крестьян, но руководство политической борьбой должно принадлежать более интеллигентному классу,—оно должно принадлежать буржуазии. Таким образом, задача, которая встала перед истинными коммунистами, включала в себя самую решительную борьбу с этими элементами, которые удерживали рабочий класс, выдвигая вперед в политической борьбе роль буржуазии. Как было осуществить эти три задачи: дать научное обоснование рабочему движению в России, создать боевую сплоченную организацию передовых рабочих и вести самую яростную борьбу, идейную и организационную со всеми теми партиями, которые сворачивали рабочее движение с истинного пути и, таким образом, очищали дорогу для буржуазии.

Влад. Ил. выдвинул тогда план, заключавшийся в том, чтобы создать единый руководящий идейный центр не в России, а за границей. За границей поставить такую центральную организацию, которая, находясь в постоянной связи с рабочими массами России, вместе с тем была бы в безопасности от постоянных ударов царизма и могла бы постоянно руководить пропагандой, агитацией и организацией среди русских рабочих масс. Как только кончилась его 3-хгодичная ссылка, он опять предпринимает об'езд России, собирает группу наиболее преданных

революции рабочих и интеллигентов и основывает газету, которая в истории русского рабочего-движения и в истории международного движения имеет громаднейшее значение. Газета эта называлась „Искра" и эпиграфом у нее стояли следующие слова: „Из искры возгорится пламя". Эти слова, это—те слова, которыми величайший русский поэт Пушкин ответил на воззвание декабристов. Тут, в этих словах была надежда, что из слабого и малого тогда еще рабочего движения возгорится, действительно, пламя революционного пожара. И вместе с тем этой фразой, взятой из переписки дворянских революционеров-декабристов с Пушкиным, отмечалась и другая сторона — то, что она поддерживает и хочет перенести в российский пролетариат те героические традиции революционной борьбы, которых не допускали тогда оппортунистские экономисты, создать на почве этой газеты профессиональную организацию революционеров или, как тогда выражался Влад. Ил.,—„организацию профессиональных революционеров". Над этой идеей, которую проповедывала эта газета, очень много тогда смеялись. Оппортунисты говорили: „Какая такая организация профессиональных революционеров?" — Идея же Ленина заключалась тогда в том, что все то, что есть в рабочем классе и среди той незначительной части интеллигенции, которая перешла на точку зрения революционного пролетариата, действительно, коммунистического, что все это должно сплотиться в боевую организацию, зная, что против них такой свирепый враг, как царизм, и должны представлять из себя людей, которые никакой другой работы не знают, кроме работы по революционной организации и революционному просвещению масс.

Профессиональный революционер, по мысли Ленина, это был тот человек, который отдался весь и всецело революции. Он отнимал его от станка, от письменного

стола, отнимал его от его обычной будничной работы и говорил: русскому рабочему классу, раскинутому на громаднейшей территории, которому приходится вести борьбу не только с царизмом, не только с буржуазией, но и элементами, оттягивающими его с правильного пути, нужен железный костяк, вокруг которого можно было бы сложить революционную организацию пролетариев. Этот костяк должен создаться из людей, готовых всецело отдаться революционной работе, для которых революция будет не украшением, не отдыхом от постоянных занятий, а профессией, такой же профессией, как всякая другая профессия, отличающаяся от других только тем, что здесь человек идет на гибель ради интересов целого класса.

Влад. Ил. создал эту организацию, не он один, целая группа товарищей, сплотившихся вокруг него, работали над тем, чтобы создать железный костяк пролетарской партии. Этот костяк послужил основой, и он при помощи газеты, о которой я говорил, был создан. Вся Россия очень скоро после того, как вышла эта газета,—а вышла она в 1900 г.,—покрылась сетью этих профессиональных революционных ячеек, которые были связаны с заграничным центром и в то же время вели работу среди широких народных масс. За границей на деньги, собираемые рабочими массами, печаталась партийная литература: переводился Маркс, писались брошюры и воззвания. Тайным путем, при помощи ухищрений, о которых помнят, вероятно, и знают только старые революционеры, перевозилась эта литература через границу, через кордоны и царские заставы и охраны ввозилась в рабочие города и распределялась по рабочим кварталам. И каждую неделю, и каждый день из этих рабочих кварталов отправлялись в центры выдающиеся люди, на борьбе доказавшие свою преданность интересам

рабочего класса, чтобы регулировать и об'единять это рабочее движение.

На поверхности ничего этого не было видно. Буржуазия создавала свои газеты, помещала статьи, ученые издавали книги, наверху все казалось спокойно и мирно, даже демонстрации еще не происходили. А внизу эта организация „Искры“,—эта первая ячейка нашей партии, вела кротовью подпольную работу, и в каждом рабочем городе, на каждом заводе начинали узнавать, что есть какая-то партия марксистов, партия рабочей революции, которая стоит за рабочий класс и учит рабочий класс, как ему бороться.

И скоро эта самая борьба привела к тому, что можно было собрать представительство от более широких слоев рабочего класса для обсуждения общего вопроса об общих целях борьбы. После нескольких лет работы этой организации, этой идейной борьбы с экономистами, этой идейной проповеди революционных целей рабочих, созван был второй с'езд с.-д. партии в августе 1903 г.

Первый с'езд, как я уже сказал, не увенчался успехом. Организация, созданная им, была разбита, и не решились наши товарищи созвать с'езд в России. Они созвали его за границей. Но если на первом с'езде присутствовали только представители в количестве 12 человек от нескольких только союзов борьбы, то здесь, на этом с'езде, были представители уже более чем от 50 организаций рабочих, имевших уже за собой целый ряд удачных забастовок, научившихся уже координировать, связывать свои действия, так что в Одессе начинали забастовку тогда, когда предварительно справились, поддержат ли екатеринославцы и киевцы, как отнесутся к этому питерцы. Вот эти организации, действительно, положили основу нашей партии. На этом с'езде, в августе 1903 г., была выработана, впервые, программа российской

с.-д. рабочей партии, полностью и целиком охватывавшая те требования, которые рабочий класс тогда пред'являл, и тот путь, по которому он собирался итти. И на этом же с'езде произошел тот раскол на большевиков и меньшевиков, который очень долго разделял ряды рабочих и названия от которого сохранились до сих пор.

В нескольких словах я сейчас остановлюсь на причинах этого раскола и на том, почему и как сложились эти так называв. большевики и меньшевики.

Слова эти произошли оттого, что на этом с'езде Ленин, стоявший во главе тех, которых потом назвали большевиками, получил несколькими голосами больше, чем другая группа, во главе которой стоял Мартов, а впоследствии Плеханов. Когда на с'езде собрались товарищи со всей России и стали обсуждать задачи рабочего класса в России и характер пропаганды, то казалось, что они сошлись на всем: они единогласно приняли программу, почти единогласно принимали целый ряд резолюций тактических и разошлись только по поводу некоторых, чисто организационных вопросов. И казалось, что это пустяковые вопросы, что это так, спор фракций, и многие, не очень умные, люди говорили тогда, что это склока, так,—перессорились люди, неведомо из-за чего. И многие говорили: надо об'единиться. Влад. Ил., стоявший тогда во главе фракции большевиков, не шел ни на какие уступки и не соглашался ни на какое примирение. После того его часто стали ругать и продолжают бранить и до сих пор сектантом, человеком непримиримым, ведущим свою линию прямолинейно.

И в этих упреках, повторяющихся с тех пор на страницах всей буржуазной прессы, во всей полемике, которую когда-либо вела какая-либо партия с Лениным,— а нет такой партии в России, писаки которой не попытались бы сломить свое перо о ленинские писания,—

в этих упреках есть правда. Когда представители буржуазного мира или мелкой буржуазной демократии постоянно клеймят и бранят представителя рабочего класса, обвиняя его в непримиримости, сектантстве и прямолинейности, — они говорят правду, ибо рабочий класс, об'явивший борьбу всему буржуазному миру, вступивший в эпоху мировых катастрофических революционных переворотов, если он желает, действительно, итти по правильному пути к своей победе, не может быть иным, как непримиримым.

В этой брани и упреках по поводу непримиримости сказывалось только то, что буржуазный мир, мир эксплоатации, мир мелкобуржуазной демократии все время пытался свести рабочий класс с того пути непримиримой борьбы, на который выводил его Ленин и группа, вместе с Лениным отстаивавшая ортодоксальный научный марксизм.

Им казалось недопустимым, что рабочий класс отстаивает свои интересы, не идя ни на какое примирение с буржуазным миром, не сворачивая со своей дороги. И они говорили: „Вы сектанты, вы создаете какую-то секту людей, которые верят в будущую социальную революцию и не хотят обращать внимания на то, что делается вокруг них".

Мы же говорим: Верно то, что мы подбираем людей, действительно верящих в правильность революционного пути развития пролетариата; верно то, что мы хотели сплотить авангард из рабочих, знающих свою дорогу; верно то, что с этой дороги мы не хотим отступать и ни на какие соглашения с буржуазными элементами мы не пойдем, но не верно, что мы отрываемся от жизни. Да, мы отрываемся от жизни мелкобуржуазной, колеблющейся демократии, но мы тем самым связываемся с жизнью самых широких рабочих масс.

И когда нам говорили, что мы отошли от жизни, что мы ее не знаем, что рабочие массы с нами не пойдут, — мы отвечали: мы посмотрим и увидим это, когда рабочий класс сам будет увлечен в широкое массовое рабочее движение. Только массы самих рабочих могут рассудить этот спор.

И действительно. То, что казалось вначале пустым организационным вопросом, то, из-за чего, как будто, не стоило спорить и ссориться, то после, в развитии революционного движения, очень быстро наполнилось самым определенным классовым содержанием. Оказалось, что те споры, которые велись на втором с'езде с.-д. партии в 1903 г., предвосхищали всю ту классовую борьбу, которая впоследствии развернулась на пространстве всей России. А борьба была чрезвычайно тяжелая. На сторону противников Ленина встала тогда вся интеллигенция, на сторону его противников встали все старые вожди с.-д.: Плеханов и другие члены той группы „Освобождения Труда“, первые положившие теоретические основы марксизма в России, они все очень быстро отошли от Ленина, и он, как теоретик и вождь, остался один.

И вот, тогда, в 1903 г., он переживал трудные моменты. Он ходил тогда по горам Швейцарии (он был тогда эмигрантом) и думал: „Не ошибаюсь ли я? Быть может, авторитеты, десятки лет работающие в рабочем движении, Плеханов, Засулич, Дейч, мои же товарищи по редакции „Искры“ Мартов, Аксельрод, быть может, они правы, и ошибаюсь я, проповедуя непримиримость в революционном движении рабочего класса? Быть может, я действительно оторвался от рабочего класса и останусь в одиночестве?“.

В одиночестве должен был он решить этот вопрос, и он тогда принял решение, впоследствии всегда руко-

водившее его поступками. Это было решение: „Хотя бы и один, я останусь верен интересам революционного пролетариата; хотя бы и один, я буду проводить линию революционного марксизма. Я уверен, что когда революционный пролетариат сам возьмет движение в свои руки, сам вступит на историческую арену,—он пойдет по тому же самому пути, который я предвижу, выводя его из приложения к России начал научного социализма Маркса“. И это было не только в тот момент, когда сказалась эта черта Влад. Ил-ча, — решимость остаться хотя бы одному, будучи уверенным в правильности выбранной линии поведения, — эта черта сказывалась в каждый критический момент русского рабочего движения и в поворотные моменты жизни всего европейского рабочего класса.

Эта же черта сказалась и после крушения революции 1905 года и после об'явления войны и краха II Интернационала в 1914 году.

Во все эти критические, решающие, поворотные моменты русского и международного рабочего движения, в 1903, в 1905—6, в 1914, в 1917 гг. нашу партию спасала ее строгая *идейность*, безусловная—сектантская, как смеялись враги и маловеры, — преданность идеям научного социализма, идеям коммунизма, отказ идти на какие бы то ни было соглашения с идеями буржуазного общества, с критиками Маркса, с людьми, подделывавшими учение Маркса под вкусы буржуазии.

Борьба с этими буржуазными, оппортунистическими, соглашательскими идеями, с идеями партии социалистов-революционеров, экономистов, критиков Маркса, меньшевиков проходит красной чертой во всей работе нашей партии и, прежде всего, в работе Ленина. В этой идейной борьбе за идеи марксовского коммунизма он всегда был беспощаден. Он преследовал всякое искажение идей

Маркса не только в области политики, в области тактики, в области экономических учений, но и в области философии. Ни малейшее уклонение от учения Маркса ни в одной области не укрывалось от внимания Ленина, и он со страстью истинного борца идеи готов был всегда принять бой на этой почве. Почему?

Потому что учение Маркса для нас и для Ленина— не просто теория развития классовой борьбы, не учебник политической экономии и социологии, а боевое учение революционного пролетариата, все — сверху до-низу— проникнутое одной основной мыслью о завоевании социализма. Всякое отступление от этого учения в теории ведет к величайшим ошибкам в практической борьбе. Всякое уклонение от этого учения ведет к пленению буржуазной мыслью. Это доказала судьба интеллигентского, так называемого легального марксизма, это доказала судьба эсэров и меньшевиков, которые, начав с тех или других „поправок“ к учению Маркса, с критики Маркса прямым путем докатились до того, что ушли от пролетариата и стали вождями: одни—буржуазии, другие—мелкобуржуазных групп и слоев. Вот почему идейная борьба за марксизм была неот'емлемой частью работы Ленина, почему в этой борьбе он был беспощаден, почему он был непримирим ко всякой группке, отступившей от революционного смысла марксового учения, никогда не задумываясь итти на самый резкий раскол с подобными группами и группками. В каждом таком отступлении наша партия видела зародыш *чужой*, не пролетарской, а следовательно *враждебной* нашему делу идеологии, мысли. В эпоху ожесточенной классовой борьбы, в которую вступил весь мир с начала 20-го столетия и которая теперь развернулась в открытую гражданскую войну, *чужая* нам теория развития общества становится немедленно же орудием борьбы в про-

летарпатом со стороны *враждебных* ему классов. Вот где корень идейной напримиримости и раскольничества большевиковъ. Отбивая все попытки использовать Маркса для целей буржуазии, большевики не застыли на Марксе. Нет. Они сделали больше, чем кто бы ни было для *развития* учения коммунизма, ибо, пользуясь учением Маркса и Энгельса, они внесли в него весь тот громадный опыт революционной борьбы, который приобрел пролетариат за последние годы.

В начале 20-го столетия, накануне революции 1905 года, нужно еще было расчищать дорогу для революционного понимания коммунизма, надо было охранять рабочее движение от засорения его всякими ложными теориями, надо было воспитывать в рабочем классе недоверие к тем волкам в овечьей шкуре, которые хотели использовать рабочее движение для своих либеральных или мелкобуржуазных интересов. Приходилось вести борьбу на несколько фронтов.

Громадная вера в рабочий класс, непреодолимая уверенность в неизбежности социальной революции и решительное недоверие ко всем непролетарским течениям составляет фундамент всей политической деятельности В. И. Ленина и фундамент деятельности всей нашей коммунистической партии в целом.

Я возвращаюсь к тому моменту, на котором остановился,—к 1903 году и к расколу на с'езде. Повторяю, что спор этот возник сначала как будто на пустяках, на вопросе о составе центрального органа и самой „Искры“, о составе центрального комитета, куда Вл. Ил-чу хотелось ввести одних людей, Мартову и Плеханову—других, и казалось, что за этим не скрывается никакого более глубокого и важного содержания и, как я сказал, очень многие неумные люди думали, что здесь никакого содержания, кроме заграничной склоки, нет.

Но достаточно было нескольких месяцев для того, чтобы действительное содержание, классовое содержание этого конфликта вскрылось целиком, ибо нужно дать себе отчет, что в рабочем движении есть различные тенденции, различные стихии, различные стремления, и ничего в рабочем движени не решается борьбой одного или другого человека, ничего в рабочем движении не решается группами и кружками,—все решается историческим ходом революционного развития самих рабочих. И если в 1903 г. произошел раскол, то это не было выдумкой того или другого человека,—это было отражением того, что в революционном движении рабочего класса есть две тенденции и что перед революционным движением рабочего класса в России стоят, действительно, два пути.

И как только через год после этого с'езда начали развиваться революционные события, сразу оказалось, что эти две линии развития и есть в наличности, в жизни.

Вы знаете, в 1904 г. разразилась война с Японией. Вместе с тем сразу революционное движение в России приняло широчайший размах. Это постепенное нарастание революционного движения создало элементы не только низвержения самодержавия в среде самих рабочих, но оно заставило встать в оппозиционную позу также и верхи русской буржуазии. И тут рабочему классу надо было выбирать свой путь. Все старые проблемы и задачи, кратко указанные мною, когда я говорил о споре между Лениным и экономистами, споре о том, кому должна принадлежать руководящая роль в русской революции—буржуазии или пролетариату,—эти задачи немедленно развернулись, но уже не только в книгах, а в жизни, в массовом рабочем движении и в противопоставлении его движению буржуазии.

9-го января 1905 г. рабочие пошли к Зимнему дворцу и были расстреляны. В ответ на это—громад-

нейшая полоса массовых забастовок, неслыханных до сих пор не только в России, но и во всем мире, стала расшатывать основы самодержавия. В феврале, апреле, марте происходили 100-тысячные забастовки, переставшие уже быть экономическими и принявшие политический характер. Нашей партии в этот момент в России нужно было определить свое положение. И тут-то все и сказалось. Влад. Ил. в этот момент выдвинул на первый план идею, мысль о диктатуре пролетариата и крестьянства. Многим из нас, быть может, покажется странным, что эти слова о диктатуре пролетариата и крестьянства, которые теперь у всех на устах и о которых, кажется, что они только недавно вышли из среды большевиков, и их большевики выдумали, что это совсем на самом деле не так, что теория о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства создана не в октябрьскую революцию, не тогда, когда большевики захватили власть, а тогда, когда большевики были очень далеко от власти, когда они могли только создавать теорию дальнейшего развития русской революции и тайно пропагандировать среди рабочих.

Как только на сцене появились широкие народные революционные массы, в начале 1905 года, нужно было решить задачу, куда направлять эти массы и еще больше—где лежит действительный путь этих масс. И меньшевики тогда ответили на этот вопрос: рабочее движение в России должно развиваться так, чтобы оно не запугивало буржуазию. Это—классический, т.-е. точно сформулированный, ясный и определенный ответ, данный не теперь, не несколько месяцев тому назад, а за 10—12 лет до революции 1917 г., в начале революции 1905 г., в котором вся политическая сущность меньшевизма и сконцентрировалась; рабочее движение в России должно развиваться так, чтобы не запугивать буржуазию.

В ответ на эту постановку вопроса другая постановка была сформулирована Лениным. Он говорил: рабочее движение в России должно привести к такой организации государственной власти, которая будет диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства. Что сказалось в этом? Частность ли эта была, что два вождя иначе сформулировали свою мысль, или, на самом деле, это—отражение двух классовых взглядов, которые во всю русскую революцию боролись? Несомненно, это так. Россия вступила в революцию 1905 года с двумя возможностями. Она могла бы развернуться в такую революцию, которая привела бы к господству буржуазии; она могла бы развернуться и в такую революцию, которая привела бы к господству пролетариата и беднейшего крестьянства.

Наша партия встала перед этими двумя возможностями. Перед ней встал вопрос, что проповедывать в рабочих массах, на какой платформе их организовать, к чему их вести,—к тому, чтобы власть во время революции и после революции осталась в руках буржуазии, или с самых первых шагов массового движения направлять это революционное движение к борьбе за власть не только с царизмом, но и с либеральной буржуазией, к одной цели—к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства? И вот, тут-то, когда стали говорить не о частностях, не о мелочах, не о пустяках, не об организационных спорах, а о сущности дела, о том, в какую сторону должно направляться революционное движение, тут сразу и выяснилось, какая классовая подоплека лежит между этим разделением на большевиков и меньшевиков. Все забыли уже о 2-м с'езде, когда у большевиков было на 1 голос больше, и потому их назвали большевиками, все забыли, что меньшевики называются меньшевиками потому, что в 1903 г. на с'езде они получили на 1 го-

лос меньше по вопросу о том, как организовать редакцию „Искры". Слово осталось потому, что оно характеризует не то, что происходило в 1903 году, а самый смысл российской революции.

Эта великая русская революция разразилась в 1905 г., при входе в XX век, она разразилась в обстановке, в которой не совершилась ни одна буржуазная революция. И надо было решить вопрос, повторит ли русская революция все революции XIX века, которые делались рабочими, а приводили к господству буржуазии, или это будет первая революция в ряду революций XX века, которая будет делаться рабочими, чтобы утвердить власть тех же рабочих, трудящихся? Вот тот основной вопрос, в котором сами рабочие иногда не отдавали себе отчета, о котором спорили и не всегда, не вполне отдавали себе отчет большевики и меньшевики. Вы знаете, как развертывались события дальше. 1905-й год создал советы солдатских и рабочих депутатов. Теперь говорят, что советы рабочих и солдатских депутатовъ чуть ли не большевики выдумали, что эти слова „вся власть советам" Ленин из заграницы привез, что ему так понравилось устроить. Это неправда, потому что история революции, история рабочего движения в России имеет собственную логику, собственное развитие и ничего не создано тут умом отдельного человека, а только тот был, действительно, великим вождем в рабочем движении, кто умел подметить те формы организации, которые создавались самим рабочим движением, и мог уяснить самому рабочему классу то, что он делает, сформулировать то, что рабочий класс в массовой борьбе создавал сам.

Советы рабочих депутатов были созданы в 1905 г. самыми рабочими, и большевики сначала даже отнеслись к ним с недоверием, но очень быстро убедились, что это движение, действительно, представляет собой массовую

организацию, организацию боевую. Тогда, в 1905 г., большевики заявили: Советы есть ячейка, зачаток революционной власти. Мы говорили, что эта ячейка революционной власти потому, что тогда революция не приобрела того размаха, при котором эти ячейки, эти семена могли бы развернуться целиком и превратиться из ячеек власти в действительную власть. Но тогда же большевики оценили эти советы. И 13 лет тому назад лозунг: „вся власть советам" был включен большевиками в ту оценку советов 1905 г., которая была дана на их конференциях, с'ездах, совещаниях и т. д.

Революционное движение в России с первого момента возникло, как движение интеллигенции, но потом должно было неизбежно измениться и пойти по другому пути, и мы должны сказать, что не большевики и Ленин создали большевизм, и они не являются тем, что понимают в буржуазных газетах под словом „большевик". По их мнению, если бы кому-нибудь из правых с.-р. удалось застрелить Ленина, то распалась бы вся постройка большевизма. Нет, Ленин сам создан рабочим движением; Ленин, ленинская теория, заключающаяся в диктатуре пролетариата, в теории государства, как власти советов, создана массовым движением самого рабочего класса; и его заслуга только в том, что он об'яснил словами то, что рабочие массы создали своим трудом, своей работой. В 1905 году в этой теории диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и в этой теории советов, как ячеек революционной власти, был уже заложен весь большевизм, тот, который осуществляется теперь, и мы предлагаем всякому нашему буржуазному критику, прежде, чем он осмелится критиковать наши лозунги, справиться с теми теоретическими и тактическими работами, которые в 1905 г. указывали ход дальнейшего развития революции.

В 1905 г. рабочие массы вышли на улицу и направили свой удар против самодержавия. Ясно было, что ниспровержение самодержавия в этот момент грозило буржуазии тем, что власть перейдет в руки тогдашних советов рабочих и солдатских депутатов. Тогда уже выяснилось, что буржуазия не может удержаться между пролетариатом и реакционерами и что, как только пролетариат поднимает свою голову и выступает на революционный путь, буржуазия бросается в сторону царизма и реакции. Положение было ясно и определенно. Но это движение было задавлено тем, что рабочий класс в этот момент не увлек за собой крестьянства в такой степени, которая обезопасила бы пролетариат от удара в тыл из среды солдатских масс, из среды крестьянских сыновей в солдатских мундирах. Революция 1905 г. была разбита, потому что деревня не была достаточно революционна, и вышедшие из деревни солдаты раздавили московское восстание, железнодорожные забастовки, восстание в Прибалтийском крае и по всей России. Массы были на улицах тогда, когда неясно было еще, кто увлечет эти крестьянские и солдатские массы,—пролетариат или буржуазия с царизмом. Когда казалось, что революционным движением вперед мы сможем сразу раз'яснить положение этим крестьянским массам, когда лозунгом нашим было: мы не идем ни на какие компромиссы, соглашения ни с либеральничающей монархией, ни с монархической буржуазией,—мы идем, чтобы взять землю и чтобы ниспровергнуть царизм, и во имя этого мы идем на вооруженное восстание. И так же, как в 1900—1901 и 1902 гг. Ленин издевался над теми пустобрехами, которые звали тогда на вооруженное восстание и говорил: вооруженное восстание—вещь серьезная; тот болтун, который зовет на вооруженное восстание, не имея за собою масс, тот—преступник революции,—тот же самый Ленин в 1905 г.

говорил: восстание есть первый шаг победоносной революции, советы могут держаться только на победоносном восстании, диктатура пролетариата и крестьянства требует, как предварительного условия, победоносного восстания рабочих и крестьян.

И партия вся отдалась подготовке вооруженного восстания, закупке оружия и боевых припасов, боевой подготовке рабочих, твердо зная, что вопрос о вооружении пролетариата в тот момент решает вопрос о русской революции. Партия говорила тогда: Мы не пойдем в Государственную Думу, которую тогда царизм по соглашению с либерально-монархической буржуазией выдвинул, как отдушину против революционной борьбы масс. Спор между царизмом, буржуазией и рабочими массами решится,—говорила наша партия—не в стенах царского парламента, а на улице. Если на улице, в столкновении масс победят рабочие и крестьяне, они низвергнут самодержавие вместе с созванной царем Думой и создадут собственную власть, диктатуру союза рабочих и крестьян. Если победит царизм при помощи обманутых им войск, его не остановит никакая Дума, никакой парламент. Расправившись с рабочими и крестьянскими восстаниями, царизм прогонит вон всякую либеральную оппозицию. Наше предсказание оправдалось. Когда восстание рабочих и крестьян было подавлено, царизм разогнал сначала первую, а потом и вторую Думу и установил диктатуру палача рабочих и крестьян—Столыпина, диктатуру дворянства и крупнейшей буржуазии. Вместо диктатуры власти пролетариата и крестьянства установилась неограниченная власть столыпинцев и гучковцев, дворянства и купечества с фабрикантами. Государственная Дума—третья и четвертая—были только канцеляриями, которые ставили штемпель на царских расходах и в которых помещики, чиновники, заводчики, фабриканты,

купцы обделывали свои грязные делишки, деля между собой власть и доходы.

Вот почему, покуда еще революция в 1905—1906 гг. не была раздавлена царизмом, наша партия стояла за то, чтобы в Думу не итти, а поднимать народ на восстание против царя и против монархической буржуазии.

О крестьянстве мы говорили тогда так: победит та партия, которая построит свою политику таким образом, что убедит крестьян, что их интересы заключаются в том, чтобы целиком стать на сторону революционного пролетариата против помещиков.—И Ленин, и вся наша партия понимали совершенно ясно, что в тот момент судьбу революции решает крестьянство, что судьба революции решается на улице восстанием, что это восстание будет успешно для того, на чью сторону станет крестьянство.—И он говорил: крестьяне по существу дела должны сейчас быть с пролетариатом, потому что хотят отобрать землю у помещиков; они только не понимают, что нельзя отобрать землю у помещиков тем мирным путем соглашения, который проповедует партия Милюкова, буржуазия, к которой склонилась и партия меньшевиков. Крестьянство должно понять, что оно может вырвать землю у помещиков только, если оно поможет пролетариату ниспровергнуть власть царизма и буржуазии.

Крестьяне тогда задавили революционное движение пролетариата и потому не получили тогда земли, и потому рабочий класс на 10 лет был загнан опять в подполье. И тем, что в 1905 г. не осуществились задачи, поставленные тогда Лениным о диктатуре пролетариата и крестьянства, только этим об'ясняется, что через 10 лет мы получили ту бойню, в которой погибло гораздо больше пролетариев и крестьян, чем то количество, которое нужно было в 1905 г., чтобы свергнуть царизм

и не иметь этой империалистской войны. История мстит за себя,—и народ, во-время не совершивший революции, расплачивается за это жертвами, которые он приносит буржуазии.

Я не могу останавливаться на международных отношениях, вызвавших эту империалистскую войну, но самого краткого обзора было бы достаточно, чтобы показать, что царизм был принужден вести эту войну для спасения своего внутреннего положения, для укрепления себя в России против воскресшего революционного движения, что эта война во многом вызвана политикой царизма, и что если бы в 1905 г. программа Ленина и коммунистической партии была осуществлена и крестьяне встали бы на сторону пролетариата, а не буржуазии, а меньшевики и с.-р. не обманывали бы в этот момент крестьянства, если бы все сложилось так, как предписывали интересы пролетариата, тогда не было бы этой войны и нам не пришлось бы так дорого расплачиваться за то, что русский народ не был тогда достаточно революционен.

Но теория марксизма и практика нашей коммунистической партии не строит фантастических замков и рассуждает не о том, что нам желательно, а следит за ходом событий, вытекающих из самой классовой борьбы. Поэтому, когда Ленин убедился, что крестьянство не с нами еще, что армия не с нами, что революция раздавлена, он должен был переменить тактику. И он ее переменил и сказал: рабочий класс боролся до последнего, но он побит, а в мире не было еще и не может быть такой революции, в которой угнетенный и эксплоатируемый сразу и легко добился бы победы. Нет, буржуазия умеет отстаивать свои интересы и рабочий класс может потерпеть поражение. Окончательная победа ему гарантирована неизбежно, но на том или другом повороте

исторического пути буржуазия может оказаться сильнее, схватить пролетариат за горло и поставить его на колени, это не исключено.

Тут нужно отметить одну черту и во Влад. Ильиче, и в самом рабочем движении, наиболее правильным отражением которого он является. Одно дело выставить лозунг, другое дело найти дорогу для его осуществления. Раньше, чем выступили массы,—а выступление масс в России, как революционных масс, относится к 1901—1903 гг.,—Влад. Ил-чу, когда он создавал первые рабочие организации, будущие с.-р. и наследники Народной Воли, насмехаясь, говорили: „Вы пишете какие-то бумажечки насчет того, что наложен штраф,—какие вы революционеры! Революционер тот, кто с револьвером идет царя убивать! Кто подымает восстание!“—А Ленин говорил: „Вот эта самая бумажка насчет штрафа, когда пойдет в массу, когда организует и соберет массы, будет более благодарное орудие для окончательного подавления царизма, чем какой угодно револьверный выстрел“. Здесь указывалось, что рабочий класс не отдается никаким безумным мечтам и надеждам, что он связан с жизнью, не верит пустым фразам и эффектным жестам и делает свое дело, крепко закладывая фундамент социальной революции, камень за камнем, зная, что в известную эпоху какая-нибудь прокламация, об'единяющая рабочих, гораздо важнее, чем револьверный выстрел, ведущий к гибели очень героических, мужественных и честных революционеров, но не пробуждающий масс.

Но рабочий класс, а вместе с ним и наша партия знает, что в другую эпоху рабочий класс должен схватиться за винтовку и всю свою энергию, все свое сознание вложить в дело вооруженной борьбы со своими эксплоататорами.

Рабочий класс России одну за другой вырабатывал, создавал свои формы борьбы, переходя от разрозненных чисто-экономических забастовок к широким экономическим стачкам с политическими лозунгами, от них к демонстрациям (начало XX века), от демонстраций к массовым политическим стачкам (1905—6 гг. и вновь в 1913—14 гг.), от массовых политических стачек к восстаниям и к Советам Депутатов. Заслуга истинной пролетарской партии в том, что она подмечает новые формы борьбы, вырастающие из рабочего движения, из боевого опыта масс, выясняет их, поддерживает и развивает их.

Это и делала наша партия в постоянной борьбе с оппортунистами, с меньшевиками, которые всегда цеплялись за отсталые, изжитые формы движения рабочего класса.

В этом смысле и Владимира Ильича следует назвать глубочайшим реалистом, почвенником, т.-е. таким человеком, который всегда умеет считаться с действительной жизнью, умеет сочетать теорию с практикой, лозунг со способом его проведения в жизнь, который величайшую революционную страсть сочетает с величайшей трезвостью в учете силы борющихся партий и классов.

История нашей партии знает не только постоянную борьбу с Лениным со стороны правых, оппортунистов, меньшевиков и эс-эров, но и случаи нападок на Ленина якобы „слева“, со стороны товарищей, которым казалось, что Ленин вдруг становится недостаточно революционным. Это происходит в те моменты, когда движение вступает в новую полосу, когда требуется быстро и решительно нащупать новый путь, выяснить новые задачи, стоящие перед рабочим классом.

В такой момент старые лозунги часто оказываются одеревеневшими, застывшими. Товарищам кажется, что

отступление от этих лозунгов есть смертный грех, чуть не измена вчерашнему дню. Так было и после революции 1905—6 гг., когда Ленин, горячее других отстаивавший невхождение, бойкот—относительно 1-й Думы, стал отстаивать вхождение, участие во 2-й Думе, и в 3-й, и в 4-й. Так было и во время подписания Брестского мира, когда и некоторые коммунисты нападали на Ленина и требовали, чтобы он не мир подписывал, а об'явил партизанскую войну Германии.

Немного похоже на это и теперь, когда товарищи недоуменно покачивают головами и разводят руками по поводу того, что Ленин, беспощаднее всех громивший саботаж в октябре—июле прошлого года, теперь отстаивает привлечение к работе интеллигенции, специалистов, отстаивает кооперативы, проповедует „дружелюбное отношение“ ко всем, кто—не будучи коммунистом—хочет вместе с нами или рядом с нами бороться с англо-американским империализмом, когда он призывает изменить отношение к среднему крестьянству. Всегда в этих случаях история оправдывала Ленина. Она показывала, что здесь дело идет о трезвом учете исторической обстановки, что каждый лозунг Ленина, вызывавший сомнения с точки зрения товарищей, увлеченных революционной фразой, вызывался изменением в ходе борьбы и всегда стремился сохранить и увеличить силы рабочего движения.

История мирового рабочего движения и история рабочей революции в России, победы и поражения пролетариата,—все это научило Влад. Ил. и всех нас, его учеников, ценить в революционной борьбе не эффектные жесты и красивые позы, а только такое движение, которое опирается на массы, которое втягивает сотни, тысячи и миллионы, которое превращает лозунги из лозунгов группы лиц—в лозунги, осуществляемые миллионными массами. Мы знаем, что только такое движение прочно

в которое вовлечены миллионные массы. Мы умеем отказываться от методов борьбы, грозящих оторвать партию от масс или грозящих оставить массы невовлеченными в эту борьбу.

И поэтому, когда революционное движение 1905 г. было разбито, когда массы сошли со сцены и надо было переменить лозунги, Влад. Ил. не остановился перед тем, чтобы эти лозунги переменить.

После 1905 г. революция была разбита, рабочий класс взят за горло и побежден на время, но мы были уверены только в одном, что России революции не миновать, и что для того, чтобы готовиться для этой революции, рабочий класс должен сохранить свою организацию. В это верили мы, в это не верили другие. Во всех революционных партиях тогда начался полный развал. Все решили—революция в России разбита, партия пролетариата провалилась, коммунистическая партия понесла сильнейшее поражение, нам не надо более нелегальных подпольных партий, которые бы строились по тому же принципу профессиональных революционеров, как та боевая организация, которая создалась для подготовки 1905 г.

Положения после 1905 г. я не стану здесь характеризовать. Вы знаете столыпинские виселицы, карательные экспедиции, уничтожение всей рабочей прессы, неизбежность того, что непопавшие на виселицы и на каторгу должны были скрыться в подполье.

Сам Ленин, в 1905 г., с первыми проблесками революции приехавший в Петроград, для того, чтобы поставить там первую открытую с.-д. газету, живший в Петрограде до того момента, пока это позволяли полицейские условия, в 1907 г., после 2 лет самой широкой агитации среди рабочего класса Петрограда, должен был уехать и поселиться в Финляндии. Скоро оказалось, что

финская буржуазия так же плохо может защитить вождя и руководителя рабочих от царизма, как и русская буржуазия. Он должен был уехать из Финляндии и уехал в тот момент, когда карательная экспедиция, наряженная специально в Куокалла, чтобы захватить Ленина, уже стала окружать его дом. Он переехал за границу. Здесь небольшая кучка, как будто на развалинах всех шансов на развитие революционного движения пролетариата, должна была поднять вновь старую тяжелую работу создания организации. Мы вышли из этого предварительного боя, и мы знаем теперь, что это был предварительный бой, и только теперь знаем мы твердо, что в этом бою мы фактически одержали победу, потому что этот бой создал и второй бой—1917 года. Но тогда перед нами лежали развалины, мы чувствовали себя разбитыми, мы не могли собрать членов нашей партии, они были все в тюрьмах, на каторге или в Сибири. Старая организация развалилась, собраний устраивать нельзя было, газеты позакрывались, и вот, маленькой кучкой из заграницы стали мы вновь собирать эти разбитые, расстроенные ряды.

Как я сказал, у нас были тогда две главенствующие идеи. Одна—та, что Россия неизбежно должна пережить революцию, что поражение первой революции не знаменует еще ничего, что через несколько лет встанет вторая революция. А вторая идея—что для этой революционной работы рабочий класс нужно сохранить крепко организованным, а также, что не может быть другой организации революционного пролетариата в столыпинской, царской России, кроме подпольной. Мы и отдались целиком этой постройке нелегальной рабочей революционной партии с Влад. Ил. во главе. Мы использовали все легальные возможности, влезая в каждую щелку которую давал царизм, будь то профессиональные союзы,

кооперативы, будь ли то Г. Дума,—несмотря на то, что всюду в этих организациях нам затыкали рот и тащили оттуда прямо в кутузку,—мы старались проникать туда, ценя трибуну и возможность хоть вполголоса шептать свои идеи рабочим массам. Не всегда была возможность собирать рабочие массы и говорить с ними, и мы клали центр тяжести в организации подполья, подготовляя в них работу революционизирования масс рабочих, и к 1914 г. мы могли пожать плоды этой работы.

Мы, те, кто жили за границей с Вл. Ил., видели, как от общих заданий, отстаиваемых им в 1905 г.,—когда в некоторые моменты казалось, что мы накануне осуществления этой диктатуры пролетариата и крестьянства,—он перешел к мелкой кропотливой работе, к писанию нелегальных статей и писем. Эта литература запаковывалась в чемоданы и эти жалкие, казалось, листки рассылались по всем русским городам. Мы видели, как он в эту работу вкладывает весь революционный пыл, так же, как теперь, когда он пишет декреты, о которых говорит весь мир. И вы знаете теперь, что эти декреты, звучащие на весь мир, и те прокламации, которые просвещали маленькие группы рабочих, что все это—одно и то же, потому что и то и другое есть бомба, долженствующая взорвать весь буржуазный мир.

Вотъ эти маленькие кропотливыя задачи мы выполняли там изо дня в день. Наконец, перебрались поближе к российской границе, в Краков, в тот момент, когда развившееся революционное движение, наконец, расшатало царизм настолько, что, он принужден был допустить открытие рабочих легальных газет. Хотя можно было говорить в них только в четверть голоса, но мы пользовались этим.

Мы сидели на самой границе России, ежедневно посылали телеграммы, сообщали о революционном движе-

нии за границей, подготовляли рабочий класс в России к неизбежности революции и вели самую ожесточенную борьбу с теми же меньшевиками и со всеми остальными партиями, которые поставили крест над революцией и которых мы назвали тогда ликвидаторами, потому что их стремления фактически сводились к ликвидации революционных перспектив и в связи с этим—к уничтожению революционного духа в рабочем классе. Я не могу подробно остановиться на этой странице истории, но любой, кто развернет страницы революционных газет, которые издавали тогда мы и которые издавали тогда меньшевики,—скажет: на большевистских газетах лежит отблеск пламени грядущего пожара. Здесь работают люди, которые, несмотря на то, что как будто налицо нет российской революции, знают, что революция эта будет, и готовят рабочий класс к тому, чтобы он революцию использовал для себя, не дав использовать самого себя для буржуазии, а на той стороне сидят люди, которые в революцию не верят и думают, что Россия вступила на путь мирного развития, что постепенно царизм будет уступать, как он уступил, создав Г. Думу, как он уступил, разрешив профессиональные союзы и разрешив с.-д. фракции в Г. Думе выступать иногда со своими речами, и что вот мало-по-малу, уступками буржуазии, а не рабочему классу, создастся такой строй, который будет похож на западно-европейский в том смысле, что буржуазии будет предоставлена известная политическая свобода, а рабочему классу будет предоставлено иногда жаловаться на злоупотребления капитализма, поддерживая этот капитализм своим рабским трудом. С одной стороны,—перспективы неизбежной революции и заботы о том, чтобы революция не пришла, как тать в нощи, чтобы рабочий класс подготовился взять узду этой революции в свои руки и направить ее бег в сторону, нужную для рабочего

класса, а с другой стороны,—полное разочарование в революции, полное пренебрежение революционными возможностями, уверенность, что все будет итти путем компромиссов и соглашений и поэтому, как вывод—полное пренебрежение партийной подпольной работой и направление всего внимания на те отрасли работы, где могло происходить соглашение с буржуазными органами.

Среди всеобщего политическаго разврата и разложения, постоянных и ежедневных измен, среди торжествующего хора буржуазных писак, оплевывавших и осмеивавших побитых революционеров, наша партия, которая царскими палачами сведена была к небольшой группе пролетариев и интеллигентов, напрягала все силы, чтобы не дать окончательно упасть красному знамени рабоче-крестьянской революции, чтобы отстаивать память и традиции великой борьбы 1905—6 г.г.

Только ленивый не ругал тогда комунистов-большевиков, которые, казалось, раз навсегда погребены под развалинами революции. А меньшевики, сидя над этими развалинами, приговаривали: все оттого, что рабочий класс зарвался, что он слишком сильно ударил по буржуазии,—не бывать революции в России, России предстоит развиваться „по-прусски".

Развитие „по-прусски", по образцу Пруссии, обозначает такое развитие, когда страна переходит к буржуазным порядкам без коренных революционных потрясений, сохраняя власть, земли и доходы помещиков, когда буржуазия договаривается с помещиками насчет полюбовного раздела добычи, собираемой с народа. Такой путь предрекали меньшевики России. А большевики упорно стояли на своем: на том, что России предстоит пережить еще революцию, что ее развитие пойдет не „по-прусски", а „по-французски", т.-е. через великую революцию крестьян и пролетариев, уничтожающих власть и землевладение

помещиков, через господство народных низов, трудящихся масс. Этот путь мы должны отстаивать, говорила наша партия, к нему готовить пролетариат. Меньшевики, опираясь на свое представление о русской революции или, вернее, о ее конце, говорили тогда: на очереди стоят „частичные реформы“, борьба за частичные улучшения в положении широких народных масс. Главная роль в деле обновления России будет принадлежать буржуазии, надо ее поддержать против помещиков.—Большевики говорили: дело идет не об обновлении России, а о низвержении буржуазно-помещичьего строя. Это можно сделать только революцией. В этом деле главную роль должен будет играть пролетариат, увлекающий за собой крестьянство. Пролетариату, раз он ставит своей задачей победоносную революцию, придется не поддерживать буржуазию, а бороться с ней, как с союзником царизма. Никаких частичных улучшений ждать от помещиков и буржуазии нельзя. Это—обманчивые надежды, которые гасят дух революции. Надо ставить вопрос не о частичных реформах а о революции, не о поддержке буржуазии против помещиков, а о борьбе и против помещиков и против буржуазии. Надо развивать массовые революционные способы борьбы стачки, демонстрации, массовую революционную агитацию, переход от соединения экономических и политических стачек к открытой революции.

Эти два направления—большевиков и ликвидаторов—могли подвести итог своей работы уже к началу 1914 г., и даже раньше, когда стало ясно, что рабочий класс России оправился от удара, нанесенного ему в 1905 г. Стачка, начавшаяся после расстрела ленских рабочих в 1912 г., бывшая откликом на это, сразу показала, что в рабочем классе опять накопилась революционная энергия и то сознание своих сил, которое служит отправной точкой для революционного развития.

В 1914 г. начинается эпоха экономических и политических стачек. Меньшевики говорили тогда, что рабочие предаются стачечному азарту, что, как зарвавшийся игрок, они играют стачками. Мы же говорили: эти стачки—симптомы нарастания революции, и задача всякого революционера развивать эти стачки, поднимать их до уровня политических стачек, рисуя перед рабочими ту же самую, казалось бы, в ходе реакции забытую перспективу завоевания власти рабочим классом, пролетариатом и полупролетариатом деревни.

Вы знаете, что накануне об'явления войны в Питере были баррикады и происходила общая забастовка. Представители большевиков в Г. Думе были глашатаями той нарастающей революционной борьбы, которая подготовлялась по всей России. Вы знаете, что в этот момент, если бы не об'явленная мобилизация,—мы все равно получили бы развитие революционных событий и повторение 1905 г. И в эти дни мы могли подвести итоги и сказать, кто прав,—те ли, кто непримиримо и в годы реакции отстаивали революционную линию пролетариата, не обращая внимания на частичные поражения и веря в непреодолимость пролетарского движения, или те, которые, исходя из буржуазных предрассудков и не смея стать прямо на линию пролетарского движения, блуждали по разным дорогам и искали спасения в соглашении с буржуазией? И здесь, раньше чем на рабочие массы обрушилась война, они произнесли уже свой суд над меньшевиками. Тогда уже накануне войны в 1914 г. над рабочими массами веял дух большевизма, они были охвачены, как тогда и признавались меньшевики, „большевистским поветрием". Скоро это большевистское поветрие превратилось в большевистскую грозу.

Мы вступили в эпоху войны, и я вам нарисовал то положение, в котором была наша партия в момент,

когда война разразилась. Наша фракция в Г. Думе, выступавшая против войны с лозунгом „война войне“, была немедленно арестована и сослана в Сибирь. Все сторонники наши были рассажены по тюрьмам, газета наша была немедленно закрыта. Ленин за границей вместе с кучкой товарищей остался один, оторванный от России, почти в безнадежном положении, видя, что русский рабочий класс и русское крестьянство, малограмотное, обманутое буржуазной прессой, обманутое генералами и офицерами, не знавшее ни одного слова истины, обречено на роль пушечного мяса в этой войне. Я сказал уже вам, что в этот момент проявилась та самая черта, которой отличается Ленин:—непримиримость и уверенность в победе всего пролетариата, черта, позволившая ему сказать: „Я знаю, что пролетариат может ошибаться, но я знаю также, что все же пролетариат с этой ошибочной дороги вернется на единственно правильный и соответствующий ему - путь пролетарской социалистической революции“.

Он остался один.

Когда все заведомые вожди II-го Интернационала, все ученые и теоретики склонились в сторону буржуазии, когда, даже больше и страшнее того, сам рабочий класс стал уклоняться в сторону империализма и когда в нем не хватило достаточно силы, чтобы сейчас же дать отпор империализму, и благодаря этому он превратился на некоторое время в орудие империалистского разбоя,—этих рабочих, как класс, этих с.-д.—тов. одели в солдатские шинели и послали на фронт воевать за чуждые им интересы, воевать против социализма за империализм,—в этот момент, когда Каутский, Гаазе, Вандервельде, все люди, стоящие во главе II-го Интернационала, Гед и Вальян, люди, связанные, с первой пролетарской революцией в мире, с Парижской Коммуной 1871 г., когда

они не решились пойти против этого потока империализма, когда они стали на сторону буржуазии, когда они вотировали деньги этой буржуазии, —только один Влад. Ил. из более видного и тесного круга II-го Интернационала сказал: „Пускай все вожди перейдут на ту сторону, пускай рабочий класс сам ошибается и отдаст себя на с'едение империализма,—я знаю, что путь революционного развития заключается в том, чтобы провозгласить войну войне, и хотя бы я остался один, я это знамя буду держать, зная, что рабочий класс не может долго ошибаться, что он может быть затянут на неправильную дорогу, но что он с этой дороги вернется обратно“.

И как смеялись тогда над Влад. Ил., какими чудаками казалась та группа русских эмигрантов, которые там, в Швейцарии, оторванные от России, отгороженные от русского рабочего класса царскими кордонами, в маленьких несчастных листках, которыхъ нельзя было много печатать, потому что не было денег на это, провозгласили войну войне, изменником провозгласили всякого, кто хотя бы один палец подал империализму. Когда они это проповедывали, то люди буржуазного склада и так назыв. с.-д., которые очень хорошо устроились в буржуазном обществе, говорили: „Это—чудаки, фантазеры, оторванные от жизни; они мечтают в тот момент, когда все силы в руках буржуазии, что эта буржуазия будет побеждена и будет создан социалистический мир! Это—фантазия“,—говорили они.

Но прошло всего несколько лет, и те, которые в тот момент казались чудаками, оказались на самом деле единственными, понявшими истинный смысл истории, единственными, понявшими действительное направление исторических событий.

И когда перед этими двумя [illegible]ами,—перед тем фактом, что в 1903 году, после разрыва на с'езде с.-д.;

партии со всеми старыми друзьями, оставшись один, Влад. Ил. провозгласил известную теорию развития русской революции, и не побоялся остаться с нею один, когда потом, в решительный момент, в момент поворота для всей мировой истории, он опять остался один на своей дороге, когда после этих двух моментов Влад. Ил-чу кто-либо в буржуазной печати говорит о сектантстве и об оторванности от жизни, так это на деле обозначает— оторванность от буржуазной жизни, от буржуазных предразсудков, но зато полное доверие, именно, к революционному развитию рабочего класса. Откуда было взять группе товарищей, группе теоретиков и практиков взять уверенность, силу и смелость остаться одним на своих постах, когда даже рабочий класс ушел в сторону? Откуда взялась смелость отстаивать свои теоретические положения, когда, казалось, кругом нет к этому ни малейшего сочувствия?—Они основывались на уверенности в том, что рабочий класс есть действительно революционная сила, действующая по революционному не потому, что этого хочется тому или другому рабочему, но потому, что весь рабочий класс поставлен в такие условия, что он неизбежно толкается на путь социальной революции.

Ленин становится тогда во главе всех тех в среде интернационального движения, которые не пошли в хвосте событий и не поддались указаниям Вандервельде, Геда, Каутского. С небольшой кучкой представителей всех стран, он созывает теперь Циммервальдскую конференцию, на которой они об'являют изменником делу пролетариата всякого, кто не идет против войны, кто не зовет к восстанию против империализма, кто не зовет к социалистической революции; об'являют изменниками всех тех, кто дает хоть копейку на эту войну, кто отдает жизнь сынов народа в руки империалистов. На этой конференции они кликнули клич по всему миру, чтобы собрать остатки

старых с.-д. армий и перестроить их на новых основаниях, ибо стало ясно, что империализм, охвативший весь мир, зачеркивает сразу все старые программы и, между прочим, даже ту программу, которая была составлена революционной с.-д. для России, в том смысле, что он зачеркивает программу реформ, осуществимых в буржуазном строе, и ставит на очередь дня вопросы о борьбе за социализм целиком, за уничтожение частной собственности, за власть рабочих и крестьян.

Кто поднял на себя тяжесть оценить этот новый мировой уклон, новый поворот мировой истории и провести в соответствии с этим поворотом истории программу всей социалистической партии, кто, исходя из оценки новой фазы мирового империализма, сказал, что на очереди дня стоит не борьба за отдельные реформы, вырванные, как подачка, из рук буржуазии, а стоит задача уничтожения буржуазии, кто сказал, что эта буржуазия должна быть сметена с лица земли для того, чтобы не повторилась вновь эта кровавая война, что эта война не может закончиться миром между империалистами, и если мы не хотим, чтобы она закончилась за счет крови и пота рабочих, то она должна кончиться новой борьбой, но борьбой всех рабочих против мирового союзного империализма?—Там, в швейцарской деревушке, русский эмигрант, оторванный от своих непосредственных товарищей по борьбе, перед лицом представителей пролетариата всех стран ставит эти лозунги.

И многие из них, как, например, Гаазе и Ледербур, вознесенные теперь рабочим движением в звание вождей германского правительства, как они называют, социалистической республики, тогда сомневались, а более лицемерные и более гнусные предатели, как Вандервельде, говорили: „Ну, да, русскому революционеру легко говорить революционные фразы—у него нет рабочего класса,

у него нет больших и богатых рабочих касс, ему нечего терять, он—эмигрант, от слова не станется. Мы же—люди, ответственные перед рабочими, и потому должны итти в буржуазные министерства, поэтому должны давать деньги на продолжение этой империалистской войны и вотировать бюджеты". И повторился тот же самый старый спор между непримиримой революционной тактикой пролетариата и между людьми, находящимися на услужении у буржуазии. И этот спор, как и все предшествовавшие, в которых Ленин, во главе коммунистической партии, выступал против оппортунизма, был решен самими рабочими массами, которые нашли свой путь,—путь социалистической революции, путь восстания против эксплоататоров, тот путь на который с самого начала войны звала их коммунистическая партия.

Развитие революции в России, а теперь развитие революции в Германии оправдало то, что казалось смешным и безумным бредом оторванных от жизни людей. Оно доказало, что права была партия, поставившая на своем знамени превращение войны империалистов в войну угнетаемых против угнетателей, поставившая на своем знамени власть советам и лозунг диктатуры пролетариата. И этот лозунг, ставший лозунгом В. И. Ленина с первого момента, когда на арене русской истории появились рабочие массы, теперь подтвержден не только в русском масштабе, но и в интернациональном.

И не потому зовем мы в дружеских чувствах Владимира Ильича вождем мирового пролетариата, что мы хотим этим дать ему какой-то чин или звание, а потому, что лозунги, выведенные им из опыта всего мирового движения и примененные на практике к рабочему революционному движению в России, суммируют, подводят итоги всему мировому революционному рабочему движению в целом. Как Маркс, когда он писал по немецки

и опирался на английские данные, описывая развитие капитализма, на самом деле предуказывал ход мировой истории и не только в Англии и Германии, но и в России, Франции, Италии и Австрии, ход *мировой* истории, а не только национальной. Также и лозунги, ныне созданные на территории России и выношенные человеком, пишущим по-русски, стоящим во главе первой пролетарской республики, написаны не только для России, но и для всего мира. Эти лозунги—диктатура пролетариата и создание республики Советов—и теперь вызывают насмешки и сомнения, и теперь находятся критики, которые говорят, что лозунг—диктатура пролетариата—есть выдумка и фантазия, но каждый день мировой истории, каждый час развития мировой революции предуказывает и предсказывает, что этот лозунг диктатуры пролетариата есть единственно правильный лозунг, отражающий не наши желания и не выдумку Ленина, а действительные желания и интересы массы рабочих и крестьян всего мира.

Когда Ленин при первом революционном кличе вернулся в Россию и когда он вступил на почву Петрограда,—а петроградские мостовые неоднократно поливались рабочей кровью,—он провозгласил: „Да здравствует социалистическая мировая революция!" И все тогдашнее буржуазное правительство, все буржуазное общество почувствовало: вот приехал враг.

Да, это были слова непримиримого врага буржуазии, вся буржуазия—русская и международная—почувствовала это. С того момента, как Ленин на площади Петрограда сказал перед десятками тысяч рабочих и солдат эти слова—призыв к рабочей [illegible]—началась неслыханная травля Ленина во [illegible].

После того, как Маркс в 1871 году выступил—единственный—с защитой только что задавленной рево-

люции парижских рабочих, он писал в письме к своему другу: „я теперь самый оклёветанный и ненавидимый человек в мире“,—в буржуазном мире, конечно. Уже через несколько дней после своего прибытия в революционную Россию Ленин мог повторить о себе эти слова Маркса.

Все свойственные буржуазии способы борьбы с врагами своего класса были употреблены против Ленина, начиная от газетной травли наемных писак, подложных документов, гнусных обвинений подкупленных шпионов, натравливания бессознательной толпы до тюрьмы и пули из-за угла. Почему? Верил ли кто-либо из тех, кто руководил травлей Ленина, в то, что измышляла буржуазная пресса? Конечно, нет! Тут травили и стремились уничтожить не Ленина, а классового врага, человека, в котором весь буржуазный мир почувствовал своего сильнейшего противника, провидел своего могильщика. Также, как Ленина в России, травили и травят Либкнехта в Германии, Маклина в Англии, Дебса в Америке? Тут дело не в имени, не в данном человеке, а в том, что буржуазия, над которой занесен меч пролетариата, старается отвести от себя удар хотя бы злобным укусом передового бойца.

Посмотрите обвинения, которые выдвигает буржуазия против Либкнехта, Маклина, Дебса, что пишут о них буржуазные газеты, и вы увидите, что против Ленина русская буржуазия не сказала ни одного оригинального слова, все, чем она пыталась уничтожить влияние Ленина на массы, подорвать к нему доверие среди рабочих,—все это буквально повторяется буржуазией каждой страны против вождей восставших пролетариев. [illegible] ненависть, вся злоба, весь страх, которые охватывали [illegible] зию перед лицом коммунистической революции в России сосредоточились на Ленине. Она почуяла в нем того, кто поведет за собой массы трудя-

щегося народа на последний решающий бой с эксплоататорами, и нет ничего странного, что она попыталась утопить его в грязи и клевете.

Ленин, как только получил возможность говорить с рабочими и солдатами, заявил: "На основании опыта мирового революционного движения, на основании учета того переворота в мировой истории капитализма, который произведен лучшими научными силами марксизма, я говорю: в России, как и во всем мире, на очереди стоит социалистическая рабочая революция". Что это значило? Это обозначало не только теоретическое рассуждение,— это значило открыть немедленно кампанию по мобилизации рабочих масс против того правительства России, которое, выдвинутое революцией, на самом деле служило орудием в руках западно-европейского империализма. Это значило сдернуть всю ту розовую занавеску, через которую рабочие, крестьяне и солдаты смотрели на фигуру Керенскаго и на все это империалистское правительство. Надо было иметь не только идейное мужество, не только суровое сердце,—надо было, как истинному пролетарию, не поддаваться никаким соблазнам буржуазного мира, чтобы через несколько недель после приезда в страну, которая была охвачена революционным восторгом, у которой закрылись от этого восторга глаза, сорвать эту занавеску и сказать: „вы обманываете солдат, которых повели в наступление, крестьян, которым, говоря революционные фразы, не даете земли, рабочих, уговаривая которых, сажаете им в министры капиталистов и не даете контроля производства". Когда эти слова раздались,—всем казалось, что это—какой-то фанатичный человек, который нарушает общее довольство, общий восторг. Вся буржуазная пресса [illegible] травить его, зная, что здесь дело идет не о [illegible], [illegible] поняли, что здесь дело не в нем одном, что он формулирует то,

что бродит в массах, что если дать ему свободу, то массы скоро поймут, где правда,—на стороне ли сладкоречивого Керенского, который обманом ведет народ на службу империализма, или на стороне представителя коммунистической партии, который говоритъ:

„Хорошо, что мы завоевали свободу, но, чорт возьми, мы эту свободу завоевали не для того, чтобы продолжать войну, кормить капиталистов и работать на помещиков! Мы завоевали эту свободу, чтобы свергнуть помещиков, прекратить войну, отобрать фабрики у капиталистов". Это была простая правда, без всяких прикрас, формулировавшая то, что было в самих рабочих массах. Поэтому он и казался таким страшным. То самое правительство Керенского, которое, после речи Ленина на I с'езде Советов, когда он сказал: „Вы здесь разводите красивые фразы, а не умеете наладить производство, и я бы вам рекомендовал немножко пощупать капиталистов", — заявило: „Ленин проповедует здесь тактику Держиморды, полицейского насилия"—это самое правительство Керенского через несколько недель эту тактику насилия применило, но только не к капиталистам, как это рекомендовал Ленин, а к представителям коммунистической партии, к солдатам и крестьянам.

Был отдан приказ об аресте представителей коммунистической партии. На них натравливали белогвардейцев, юнкеров, буржуазные подонки. В канцеляриях буржуазных министров, в глубинах охранки и на задворках продажной прессы изготовлялись гнусные обвинения против всех нас во главе с Лениным. Троцкий, Луначарский, Раскольников, я были брошены в тюрьмы. Ленин и Зиновьев должны были скрываться. Ленин перебрался [illegible] боргскую сторону,—эту крепость революцио[illegible]ата Петрограда и скрывался в рабочих кварталах, продолжая усиленную работу рево-

люционной пропаганды. Рабочие скрывали и охраняли его от ищеек Керенского, он отвечал им неустанной проповедью восстания. В парике, побрившись, он приходил к нам на тайные собрания, где обсуждались планы дальнейшей работы. На этих собраниях под руководством Ленина обсуждался и был принят весь план октябрьского переворота. Почти 4 месяца—с июня по 25 октября—Ленин опять превратился в нелегального революционера и только октябрьский переворот дал ему возможность вновь выступить перед широкими массами, но уже в качестве главы рабоче-крестьянской власти.

Ход истории не мог остановиться, вопрос был поставлен резко и решительно: или русская революция станет орудием в руках союзнического империализма, или она выполнит то, что она в себе хранила, т.-е. освобождение пролетариата и беднейшего крестьянства. А это она могла выполнить, только низвергнув империалистское правительство, какими бы названиями оно ни прикрывалось, и передав власть в руки пролетариата и крестьянства. Далее: пролетариат и крестьянство, взявшие власть в свои руки, не могли ее осуществить иначе, как в борьбе с буржуазией, а власть пролетариата, ведущего борьбу с мировой буржуазией, не могла быть иной, как диктаторской властью. Ход истории в каждом повороте подтверждал ту теорию, которая, как я повторяю, не теперь создана, не под влиянием событий, не высосана из [illegible] или из книг, а взята из соединения революционного учения К. Маркса с правильно [illegible] [illegible] развития революционного движения во всем мире.

Вы знаете дальнейшую историю нашей партии и [illegible] роль Влад. Ил-ча в [illegible] то, что он проповедывал, в то время [illegible] отдал [illegible] его арест, осуществилось. [illegible] российскому [illegible] классу нужно было найти, кому же вверить

общее руководство политикой рабоче-крестьянского правительства, конечно, он должен был поручить ее Ленину, как человеку, который предуказал этот путь развития революции, который единственный в мире,—мы можем смело это сказать,—показывает теперь нам соединение учения Маркса с революционным движением мирового пролетариата в новой обстановке, после краха империалистической войны.

То, что делает Вл. Ил. и наша партия сейчас, держа в руках государственную власть, — об этом я сейчас говорить не буду. Быть может, этому в другой раз мы подведем итоги.

Но я хочу остановиться еще на одном, чтобы в нескольких словах подвести итог всему, что я говорил.

Откуда же взялась эта сила у Вл. Ил., откуда взялась эта способность, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, идти вперед к пролетарской победе?—Я думаю, что два элемента соединились для того, чтобы создать фигуру нашего вождя. Наука знает, что каждый класс в каждый данный момент выдвигает людей, наиболее соответствующих общественному состоянию данного класса. Мы видели среди вождей рабочего класса Западной Европы всяких людей, мы видели разного типа пролетариев и интеллигентов, отражавших настроения рабочего класса. В те 10-летия, когда буржуазный мир заканчивал постройку национальных государств, когда после ряда революций буржуазное общество предалось нормальному строительству, — „нормальное“ здесь обозначает представление о нормальном выжимании нормальной [illegible] крови рабочего класса,—тогда среди рабочих [illegible] более или менее успокоенное настроение [illegible] ось, что ход борьбы должен идти через [illegible] трибуны, через агитацию, через книги. [illegible] элемент был вычеркнут из тех методов

борьбы, которыми рабочему классу приходится пользоваться,—этот элемент—революционное восстание вооруженного пролетариата. Правда, Маркс и Энгельс, особенно Энгельс, который сам был в 48-м году в штабе повстанческих войск, написали немало книг и статей о роли военного искусства в деле освобождения пролетариата, но это забылось на практике и было затерто в теории, в пропаганде. 80-е, 90-е и 1900-е годы в Западной Европе представляют собою образец мирного органического развития. Правда, кровь текла и в эти годы на фабриках, где падали рабочие, и в дальних колониях, где войска избивали отсталые народы, чтобы доставлять прибыль капиталистам. Но в Европе все казалось спокойно, казалось, что медленно и постепенно будет расти пропаганда социализма, с каждым годом будут увеличиваться количества голосов, будут расти рабочие союзы и понемножку буржуазный мир превратится в мир социалистический. Создалась целая теория такого постепенного внедрения социализма в капитализм,—теория оппортунизма. Но в тайниках этого мирного строя был заложен пороховой погреб и подготовлялся момент, когда все это внешнее благополучие распадается, как карточный домик, когда земля потрясется гулом ору[illegible] покроется мертвыми [illegible], когда [illegible] лают гор[illegible] разрушится [illegible]. [illegible] еще не рисовалась точно эта картина, которую [illegible] империалистская война, но история знала, что это идет, и она должна бы[illegible] готовить [illegible], [illegible] стать во главе народных [illegible] пробуждени[illegible] к жизни этим катастрофическим поворотом истори[illegible]

Мир[illegible] период кон[illegible] момент, когда заг[illegible] 1914 г. - [illegible] бой начал[illegible] какие [illegible] больше потоки кр[illegible]

того. Те, которые открыли эту войну, думали, что им удастся благополучно ее кончить, и что они останутся в барышах. Но история судила не так. Первый пушечный выстрел этой войны знаменовал не только империалистскую войну, но и крушение всего буржуазного мира, новый поворот истории, наступление мировой катастрофы. Никто не мог предсказывать, как пойдут события, никто не взял бы на себя сказать, что первая революция произойдет в России, вторая—в Австрии, третья—в Германии. Но была группа лиц, знавшая, что новый период наступил в истории, что массы не вынесут этой войны, что наступила эпоха восстания пролетариата, подготовленная не пропагандой и не книгами, а заложенная в самой сути буржуазного строя, и что теперь нужно поставить на знаменах те лозунги мирового восстания наемных рабов и окончательного торжества труда, которые выставили и которые были выхолощены и опошлены в мирный период.

История подготовила вождей, и таким вождем новой мировой эпохи, человеком, отражающим в себе вулканическое состояние мировой истории, и является В. И. Ленин. Он является воплощением пролетариата, который буржуазия вырвала из обычного существования, бросила в кипящий котел мировой истории, и который хочет выйти из этого котла укрепленным, а не рабом буржуазии. Он [illegible] сейчас надежду всего пролетариата, потому что [illegible] верит в самого себя и верит, что еще один [illegible], еще [illegible] напор, еще одно усилие, и [illegible] коммунистической партии [illegible] пролетариат [illegible] осуществят [illegible] новый мир, в котором не будет [illegible] эксплоататоров, в котором [illegible] самих трудящихся, [illegible]

Еще одна черта, товарищи: вулканические моменты мировой истории требуют людей стальных, решительных, небоящихся остаться в одиночестве, неколеблющихся, знающих, что раз решение принято, то оно с железной дисциплиной должно быть осуществлено. Но мы создаем новый строй, в котором мы хотим, чтобы все люди были братья, мы начали строить маленькой кучкой друзей, знающих друг друга до конца, мы можем вам сказать, что если во Вл. И. Ленине воплощена стальная воля, разящий меч пролетариата, то в нем есть и другая черта—воплощенная в том слове, которое все теперь повторяют, быть-может, не отдавая себе отчета в его великом значении. Это слово—„товарищ". Оно стерлось, как монета от повторения, но это великое слово, воплощающее в себе тот будущий строй, при котором люди друг другу будут не волки, а товарищи, будут жить дружной семьей. И вот в этих маленьких ячейках коммунистической партии, которая пошла на эту трудную работу и которая вместе с В. И. Лениным десятки лет переживала победы, радости и разочарования и, как капля воды, долбила гранитный фундамент буржуазного господства; вот в этих маленьких ячейках мы учились в годы реакции ценить [illegible] в этом стальном человеке, в вожде мирового [illegible], ценить воплощение всех черт, [illegible] этого великого слова. Я не знаю другого [illegible], в котором дружеские чувства ко всему [illegible] и ко всякому трудовому человеку были [illegible] так глубоко и были так сильны, как в В[illegible]. Ленине. Ра[illegible]щий меч пролетариата и друг [illegible],—вот тот человек, который стоит во главе [illegible] трудового [illegible].

ИЗДАНИЯ ВСЕУКРАИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

1. Г. Зиновьев. Беспартийный или Коммунист.
2. С. Н. Минин. Кто такие коммунисты.
3. В. И. Ленин. Ответ буржуям на пять вопросов.
4. Н. И. Бухарин. Работница к тебе наше слово.
5. А. Бович. Кровавый опыт.
6. А. Бирюшин. Почему я стала коммунисткой.
7. В. И. Ленин. Речь на с'езде работниц.
8. Е. Блонина. Почему я стала защитницей Советской Власти.
9. Красная Звезда.
10. Как коммунисты-большевики относятся к среднему крестьянству.
11. Резолюция Первого Всероссийского Совещания по работе в деревне.
12. А. Дивильковский. Гонение на евреев — гонение на самих себя.
13. Резолюция Первого Всероссийского С'езда работниц.
14. В. Карпинский. Как тульский мужик уму-разуму научился.
15. С. Минин. Религия и коммунизм.
16. И. Мещеряков. Поповские проделки.
17. Н. И. Бухарин. Всеобщая дележка или коммунистическое производство.
18. В. М. Фриче. Мировой красный праздник.

[illegible] Н. И. Бухарин. Где настоящая свобода.

[illegible]

ИЗДАНИЯ ВСЕУКРАИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

30. Н. Фалеев. Крестьянский закон.
31. Н. Фалеев. За что проливала кровь Украина.
32. Н. Самойлова. Что дала работницам Советская Власть.
33. М. Владимиров. Украинские крестьяне и продовольственный вопрос.
34. Шлихтер. Город и деревня в продовольствен. вопросе.
35. Д. Мануильский. Что даст новый земельный закон селянству.
36. Куманов. Хлебная монополия.
37. Я. Тун. Закон о земле.
38. Г. Эрде. Советский закон о земле.
39. Г. Зиновьев. Партии и профес. союзы.
40. А. Панканун. Раздел добычи.
41. И. Бардин. Майский праздник коммунизма.
42. Л. Б. Каменев. История партии коммунистов в России и В. И. Ленин.
43. Як. Тун. Все для транспорта, все через транспорт.
44. М. Ярославский. Карл Маркс и Фридрих Энгельс.
45. М. Конколь. Коммуна 71 года.
46. І. Мархлевский. Что такое политическая экономия и чему она учит.
47. Н. Ленин. Великий почин.
48. Е. Преображенский. Анархизм и коммунизм.
49. Н. Бухарин. Церковь и школа в Сов. республике.
50. Н. Меньшой. Американские цари.

№ 20

Перепечатано в количестве 10000
с издания Московского Совета
(Москва, 1919 года)

